V 160/105

V. 859.
XVIII 118

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ

ВЪ

РОССІИ:

М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полеваго, Ѳ. В. Булгарина, Ѳ. Л. Морошкина, М. Н. Макарова, А. Ѳ. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова.

ПИСЬМА А. В. АЛЕКСАНДРОВА КЪ ИЗДАТЕЛЮ «МАЯКА».

XV-16747 1
18 X/31 45

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.
1845.

Печатать позволяется С.-Петербургъ 19 Февраля 1845 года.
Ценсоръ *С. Куторга.*

Письма къ издателю «Маяка»
о
литературной жизни Москвы
и
сужденіяхъ Москвичей
о трудахъ М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Ѳ. Л. Морошкина, Ѳ. В. Булгарина, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова.

Письмо I.

Была пора: чужимъ умомъ
Жила Россія молодая:
Но совершился переломъ —
Теперь пришла чреда иная,
И дума Русская, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
Вдругъ свѣтлымъ брызнула ключемъ.....

...Въ послѣднихъ числахъ Августа, отправивъ письмо къ почтеннѣйшему Петру Григорьевичу Буткову (·), я оставилъ Новгородъ и прибылъ въ Москву. Тутъ, «въ сердцѣ Руси», прожилъ я слишкомъ два мѣсяца; отвлекаемый занятіями по дѣламъ службы—старался однакожь наблюдать за движеніемъ *литературной жизни*, прислушивался къ сужденіямъ общества и сообщаю читателямъ вашего журнала то, что успѣлъ замѣтить.

Одинъ изъ моихъ товарищей по службѣ, родовой Москвичь, воспитывавшійся нѣкогда со мною въ Геттингенскомъ университетѣ, доставилъ мнѣ довольно знакомства съ людьми просвѣщенными, образованною бесѣдою которыхъ я вполнѣ насладился, и у которыхъ бываютъ иногда вечера, посвященные литературнымъ

(·) Оно помѣщено въ «Маякѣ» 1844 (октябрь, т. XVII, гл. IV) подъ названіемъ: *Замѣтки для автора «Обороны» о Галицкихъ Испанцахъ и о происхожденіи Угровъ*, стр. 69—75.

занятіямъ, чтеніямъ замѣчательныхъ новыхъ произведеній, сужденію о прочитанномъ, и любопытнымъ преніямъ о современныхъ вопросахъ ученаго міра. Такіе вечера давно уже выведись въ Петербургѣ; нѣкогда, въ счастливую эпоху Державина и Карамзина, они существовали; —теперь, въ глиняную эпоху журнальныхъ производителей, никто-почти не собирается въ Петербургѣ, съ благородною цѣлію — содѣйствовать успѣхамъ словесности чтеніемъ, умною, справедливою оцѣнкою произведеній, и безпристрастною хвалою знатоковъ. Всѣ разбрелись по журналамъ; а извѣстно, что если авторъ участвуетъ въ одномъ журналѣ, то противники этого журнала—какъ бы хороша ни была книга—постараются написать ей великолѣпное «разругали»; читатели жь, въ простотѣ сердца принимая все за наличную монету, восклицаютъ: «какъ же его отдѣлали! вотъ ужъ какъ разчестили: мѣста не найдешь, такъ ужъ распотѣшился критикъ!» А между тѣмъ познаніе *закулисныхъ тайнъ* журналистики и *взаимныхъ отношеній* одного журнала къ другому, необходимо для того, кто хочетъ не ошибиться въ мнѣніи, относительно настоящаго достоинства книги, при чтеніи отзыва противниковъ.... Такимъ образомъ, не смотря на размноженіе и утолщеніе журналовъ, *литературная жизнь* видимо исчезаетъ въ Петербургѣ, гдѣ часто случается видѣть *вечернія сборища литераторовъ*, но не *литературные вечера*, ибо между этими словами есть существенная разница: литературный вечеръ можетъ быть и въ отсутствіи литераторовъ —когда главною цѣлію общей бесѣды становится разсудительное чтеніе, а литература главнымъ предметомъ разговора; вечернее же сборище литераторовъ.....

Буду простымъ лѣтописцемъ одного литературнаго вечера Московскаго, на которомъ не было литераторовъ журнальныхъ, но были за то все истинные любители Отечественной словесности и—важное для меня обстоятельство — присутствовало много студентовъ. Считаю это очень важнымъ: какъ скоро въ молодомъ человѣкѣ развернута склонность къ занятіямъ литературнымъ, къ изученію и сужденію о новыхъ произведеніяхъ, то будьте увѣрены, этотъ молодой человѣкъ никогда не останется равнодушнымъ къ процвѣтанію родной Словесности.

Я надѣюсь, что вѣрное изложеніе этой бесѣды бу-

детъ не только полезно, но и занимательно и пріятно для большинства читателей вашего журнала. Ибо въ ней и быть не могло *скучныхъ* и *утомительныхъ* разысканій, а происходилъ только разносторонній обзоръ общихъ выводовъ и успѣховъ каждаго изъ нашихъ ученыхъ, — можно сказать, общій итогъ, всего доселѣ исполненнаго въ Россіи, по дѣлу старобытности Русской и Все-Славянской. Даже и для читателей-труженниковъ, не всегда легко держать въ свѣжей памяти выводы, разбросанные по статьямъ пяти годовъ; а въ бесѣдѣ — одинъ то, другой — другое; смотришь, въ итогѣ — прекрасное цѣлое. Я же, повторяю, здѣсь только простой, но внимательный лѣтописецъ.

Зашла рѣчь объ историческихъ лекціяхъ Грановскаго. Молодые студенты, большею частію, судили основательно о достоинствѣ профессора: отдавали справедливость его краснорѣчію, иногда увлекательному, его необыкновенной начитанности источниковъ, весьма рѣдкихъ; но въ тоже время нѣкоторые изъ этихъ достойныхъ молодыхъ людей, со всею скромностію, замѣчали, что многимъ изъ нихъ желалось бы видѣть въ *Русскомъ* профессорѣ болѣе *самостоятельности* въ историческихъ приговорахъ; болѣе независимости отъ мнѣній историковъ Нѣмецкихъ и Французскихъ, словомъ—болѣе *Русскаго взгляда* на предметъ. Такимъ образомъ, незамѣтно разговоръ склонился на успѣхи и современное состояніе новой исторической школы, преимущественно въ отношеніи къ разработыванію древностей славнаго нашего племени, составляющаго цѣлую треть народонаселенія Европы (*).

Одинъ изъ посѣтителей какъ-то неуважительно отозвался о скептическомъ направленіи покойнаго Каченовскаго, изъявляя глубочайшую преданность достоинствамъ профессора Русской Исторіи, М. П. Погодина.

—Такъ точно,- сказалъ одинъ молодой человѣкъ,- Михаилъ Петровичъ имѣетъ неотъемлемыя достоинства, уменъ, обладаетъ большими познаніями, хотя и не имѣетъ дара слова.

—Профессоръ очень любитъ древнюю Русь, видитъ въ ней истинныя ея достоинства, но вотъ что удиви-

(*) См. матеріалы для Славянскихъ Древностей, Н. В. Савельвева въ *Маякѣ* 1843 г. (Ноябрь) т. XII, гл. 3.

тельно: горой стоитъ за Скандинавоманію, такъ справедливо опозоренную Венелинымъ, Каченовскимъ, Максимовичемъ, Морошкинымъ, Савельевымъ, Святнымъ.....

—Что же дѣлать?- возразилъ одинъ изъ почтенныхъ посѣтителей,- каждый платитъ дань «грѣхамъ своея юности». Михаилъ Петровичъ пошелъ въ люди, какъ говорится, чрезъ свое разсужденіе на степень магистра «О происхожденіи Руси»; понятно, что ему жаль разстаться съ этимъ дѣтищемъ, которое онъ такъ нѣжно любитъ... Но если говорить правду, то напрасно онъ унижаетъ заслуги Каченовскаго. Я самъ принадлежу къ числу слушателей покойнаго Михаила Трофимовича, и могу сказать, что его лекціи были совсѣмъ не безполезны: уже одно то, что Каченовскій умѣлъ возбудить соревнованіе въ слушателяхъ, духъ любознательности въ студентахъ—одно это ручалось за его достоинство, какъ профессора. Онъ не отличался даромъ слова, но вѣдь и Михаилъ Петровичъ не похвалится краснорѣчіемъ; лекціи Каченовскаго были сухи, когда онъ разсуждалъ о древности; но и у Михаила Петровича слушатели не увлекаются восхищеніемъ.... Полкурса посвящалъ Каченовскій критическому обозрѣнію трудовъ по Русской Исторіи; потомъ разсматривалъ древнѣйшія наши грамматы, начиная съ договоровъ Олега и Игоря; въ концѣ же года предлагалъ общій очеркъ важнѣйшихъ событій, предоставляя подробное изученіе событій, вполнѣ достовѣрныхъ, любопытству самихъ слушателей, и требовалъ, слѣдственно, много такого, о чемъ и не читалъ — согласенъ, это недостатокъ профессора, но такой недостатокъ, который можетъ быть легко оправданъ положеніемъ профессора, сознающаго, что передъ нимъ не *школьники*, не *гимназисты*, но *студенты*, уже получившіе запасъ необходимыхъ гимназическихъ свѣдѣній. Да и что полезнѣе: то ли, когда профессоръ быстро пролетитъ по всей Исторіи, не оставивъ сильнаго впечатлѣнія на умы слушателей? или же, когда онъ пріучитъ ихъ *изучать* предметъ, съ разныхъ сторонъ? По моему, лучше глубоко узнать одну часть Исторіи, нежели поверхностно пройдти всю Исторію: въ первомъ случаѣ, слушатели университетскіе получатъ охоту къ занятіямъ, во второмъ — только нѣсколько фактовъ, которые немедленно же забудутся..... Полугодичный же

критическій разборъ Шлёцерова «Нестора» у Каченовскаго былъ исполненъ глубокомыслія, а когда профессоръ принимался за оцѣнку историческихъ писателей и разборъ граматъ, то истинно надобно сожалѣть, что эти образцовые труды ни кѣмъ изъ его слушателей не были обнародованы. Если бы Каченовскій и ничего не оставилъ послѣ себя, то и одного разсмотрѣнія граматъ было бы достаточно для того, чтобы упрочить его извѣстность, какъ славнаго ученаго.

—Вы упустили изъ вида кое-какія черты покойнаго; его скептицизмъ имѣлъ, однакожъ, вредное вліяніе на слушателей...

—Не думаю, и вотъ доказательство: у насъ не много людей, занимающихся нашими древностями, но всѣ они *ученики Каченовскаго.* Самъ даже противникъ его, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, принадлежитъ къ числу ихъ; не говорю уже о покойномъ Сергѣѣ Михайловичѣ Строевѣ (·), унесшемъ столько надеждъ въ раннюю могилу, не говорю о живущихъ теперь: Михаилѣ Александровичѣ Максимовичѣ, Ѳедорѣ Лукичѣ Морошкинѣ, Николаѣ Васильевичѣ Савельевѣ, Николаѣ Ивановичѣ Надеждинѣ, и множествѣ другихъ лицъ, сочувствующихъ успѣхамъ родной исторіи, хотя и не дѣйствующихъ на литературномъ поприщѣ.

—Помилуйте, какъ можно причислять всѣхъ этихъ ученыхъ къ числу учениковъ Каченовскаго? Ихъ направленіе совсѣмъ не скептическое; ихъ ученіе совсѣмъ не то, которому слѣдовалъ Михаилъ Трофимовичъ.

—Правда, но *кто* же ихъ удержалъ отъ увлеченія авторитетомъ Шлецера? кто спасъ ихъ, смѣю выразиться, отъ паденія въ бездонную пропасть софизмовъ Скандинавоманіи? Въ этомъ отношеніи и Венелинъ обязанъ отчасти нѣкоторыми мыслями свѣтлымъ указаніямъ Михаила Трофимовича. Ну, а изъ учениковъ Михаила Петровича — *кого* мнѣ укажете? Не отрицаю его достоинствъ въ разработкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ событій; но если принимать въ соображеніе его взглядъ на древность Ру-

(·) Любители Отечественныхъ Древностей никогда не забудутъ его перваго—и лучшаго—произведенія: «Критическій взглядъ на Скандинавскія Саги,» изданнаго въ 1834 году, въ Москвѣ, подъ именемъ Сергія Скроменки. Сергѣй Михайловичъ тогда еще только оканчивалъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ.

си, то, надо говорить правду, его попытки возстановить систему Скандинавскаго происхожденія Руси оказались совершенно безплодны.

—Однакожъ вамъ бы слѣдовало также не упускать изъ вида ревность Михаила Петровича къ собранію матеріаловъ, къ обнародованію ихъ, къ отдѣлкѣ мѣстничества, и многихъ другихъ предметовъ.

— А его защита Бориса Годунова? сказалъ одинъ юноша.

— Тутъ онъ найдетъ многихъ и сильныхъ противниковъ. Впрочемъ, *первый* въ защиту Бориса замолвилъ самъ Карамзинъ, въ путешествіи къ Троицѣ, хотя послѣ, въ «Исторіи Государства Россійскаго,» принялъ совсѣмъ другой взглядъ; противъ послѣдняго возрѣнія возсталъ, за Бориса, Булгаринъ въ разборѣ послѣднихъ томовъ «Исторіи Государства Россійскаго»; за Булгаринымъ ополчился на Исторіографа и Погодинъ, увлекшій за собою Арцыбышева, Устрялова, Краевскаго.... Но дѣло и до сихъ поръ еще не рѣшено, да и самъ вѣдь Михаилъ Петровичъ, написавъ огромную статью «объ участіи Бориса Годунова въ смерти Димитрія Царевича», не рѣшилъ дѣла ничѣмъ, и заключилъ, что надо это дѣло предоставить суду Божію. Это хорошо, но вѣдь пословица говоритъ: «взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ»; а собственнаго мнѣнія Погодинъ не далъ.... Относительно *собранія матеріаловъ* — безусловная хвала! Рѣдко у кого найдется такое полное собраніе рѣдкостей историческихъ! А что касается до взгляда Михаила Петровича на нашу древность, то повторяю: безплодіе Скандинавскаго воззрѣнія подтверждается тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что Михаилъ Петровичъ не произвелъ ни одного ученика..... А это истинно жаль!

—Вы судите слишкомъ строго.....

—Совсѣмъ нѣтъ. Посмотрите любопытную книжку изданную кѣмъ-то въ Петербургѣ, въ защиту господина Морошкина: конечно у него есть странности, но совсѣмъ не такъ нелѣпа его система, какъ представилъ ее Погодинъ въ «Москвитянинѣ» 1841 года. Признаюсь, подобной вылазки на противную сторону никто не ожидалъ отъ Михаила Петровича; за то великое спасибо и Краевскому: лихой отвѣтъ!

—Я не читалъ этой книжки.

—А вотъ мы сей часъ прочтемъ, сказалъ хозяинъ. Саша, принеси, дружокъ, ту брошюрку, которую, на дняхъ, я выписалъ изъ Петербурга!

Сынъ пошелъ за книжкой въ кабинетъ, а хозяинъ продолжалъ:

—Впрочемъ я не думаю, чтобы это писалъ Андрей Александровичъ Краевскій, хотя брошюра и продается у его комиссіонера, Иванова. Издатель «Отечественныхъ Записокъ» помѣстилъ бы свой отвѣтъ господину Погодину въ своемъ журналѣ, а не въ изданіи противника: между тѣмъ это напечатано было сперва въ журналѣ Масальскаго, въ «Сынѣ Отечества.»

—А что этотъ журналъ? выдается ли? не прекратился ли? спрашивали многіе.

—Не знаю, отвѣчалъ я, когда обратились ко мнѣ. Помѣстивъ тамъ, въ 1842 году, переводъ Гробергова разсужденія, я не могъ принимать постояннаго участія въ «Сынѣ Отечества» (*); но я знаю за достовѣрное, что статья эта въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ издателю «Отечественныхъ Записокъ:» она была прислана къ одному изъ сотрудниковъ «Сына Отечества,» *изъ Москвы.* Но такъ какъ въ «Сынѣ Отечества» она была помѣщена со многими выпусками и перемѣнами, то и была для автора оттиснута редакторомъ особо, въ первоначальномъ видѣ.

Сынъ подалъ отцу книжку.

—А вотъ, господа, и полученное мною изъ Петербурга «*Критическое обозрѣніе книги Ѳ. Л. Морошкина.*» Книжка названа *Письмомъ безпристрастнаго любителя Исторіи къ М. П. Погодину*; на послѣдней страницѣ стоитъ: *Москва*, 1842 *года*, 31 *Декабря.* Имя автора означено буквами *А. К.*

Всеобщее вниманіе было устремлено на хозяина.

—Прочту вамъ начало. Авторъ обращается къ лицу Михаила Петровича Погодина и пишетъ ему:

«Нѣкогда вмѣстѣ съ вами я былъ слушателемъ историческихъ лекцій Михаила Трофимовича Каченовскаго. Прошлаго года, въ надеждѣ на ваше безпристрастіе, я изложилъ для «Москвитянина» мнѣніе о трудахъ почтеннаго вашего собрата

(*) Сынъ Отеч. Августъ, № 8, отдѣл. V, стр. 1—22: «О ложности мнѣнія, будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи.»

по университету, Ѳ. Л. Морошкина, котораго изысканія, разрушая систему Скандинаво-любителей, *несправедливо* подвергнуты вами порицанію и насмѣшкамъ. Мое письмо осталось подъ спудомъ; позвольте жъ теперь, черезъ посредство «Сына Отечества,» побесѣдовать съ вами *печатно*: какъ профессору Русской Исторіи, вамъ надобно или *ученымъ образомъ опровергнуть*, или же *принять* систему Морошкина, который глубоко взглянулъ на сей предметъ. Трудъ почтеннаго Московскаго Профессора заслуживаетъ полнаго вниманія. Какъ юристъ, онъ чрезвычайно вѣрно понялъ значеніе Славянскаго міра и его отношеніе къ міру Тевтонскому (стр. 4).

—Прекрасно! говорили одни.

—Послушаемъ! говорили другіе.

—Основательно и справедливо, замѣчали третьи.

—Но гдѣ же доказательства? спрашивали четвертые.

—Доказательства представляетъ самая книга Ѳеодора Лукича: «*Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ*» (·). Защитникъ его, въ концѣ брошюры такъ говоритъ о недостаткахъ Морошкина (··):

«Объясненіе имени Хазаръ и Гунновъ (стр. 135, 139) неясно, потому и неудовлетворительно для историка. Почтенному профессору слѣдовало бы также заняться изслѣдованіемъ вопроса о Печенѣгахъ, Торкахъ, Берендеяхъ, и рѣшить: къ какому племени слѣдуетъ отнести ихъ? О знаменитомъ Воспорскомъ царствѣ господинъ Морошкинъ не говоритъ ни слова: важное опущеніе, тѣмъ болѣе, что труды Одесскихъ археологовъ представляютъ въ этомъ случаѣ не малое пособіе. Но за все это вознаграждаютъ подробныя изслѣдованія о древностяхъ земли Рязанской, о Козакахъ. Безъ сомнѣнія, всѣ любители исторіи принесутъ благодарность автору за тяжкій трудъ при столь обширныхъ изысканіяхъ. Объ основаніи Турецкой Имперіи (157—160) и статью М. Н. Макарова, приведенную г. Морошкинымъ въ *Приложеніи*, предоставляю судить нашимъ оріенталистамъ.»

—Критикъ упустилъ изъ вида еще одно важное обстоятельство: у Морошкина Славянскія племена разсматриваются не порознь, въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ, но по странамъ. Венелинъ и Савельевъ предпочитаютъ первое, и справедливо: политическія границы измѣняются часто, этнографическія жъ весьма рѣдко, ибо народъ никогда не исчезаетъ, а только переходитъ

(·) Издана въ Спб. въ 1842 году. См Маякъ. т. 4 и 6, гл. 3.
(··) Критическое Обозрѣніе книги Ѳ. Л. Морошкина, стр. 78—79.

подъ власть другаго правительства, оставаясь на своемъ мѣстѣ, и потому *народная граница*, даже при нашествіи и переселеніи иноплеменника, измѣняется только на предѣлахъ, слѣдственно можетъ быть принята за величину почти постоянную. Узнавъ же этнографическія границы, смотрите: какія названія у древнихъ падаютъ на это пространство? Это и будутъ *иноземныя прозвища*, иногда совершенно разнозвучныя съ *подлиннымъ* названіемъ, *племеннымъ* или *мѣстнымъ*. Но тутъ дѣло не въ звукахъ, а въ фактѣ: если одинъ и тотъ же предметъ называется A, у другаго B, у третьяго C, у четвертаго D, то Математика заставляетъ васъ признать, что A=B=C=D, хотя *звуки* этихъ буквъ совершенно различны. Важенъ *фактъ*, а не звукъ, который часто имѣетъ сходство только случайное. Вотъ основаніе *исторической логики*, за которую возсталъ первый Венелинъ, и которую защищаетъ Савельевъ; Морошкинъ слѣдовалъ не вездѣ такому направленію; но тамъ, гдѣ онъ шелъ по этому пути, ему очень многое удалось открыть, на пр. что имя *Россы* у древнихъ измѣнялось въ Aorsi, Rox-alani, Roxani, и слѣдственно, наша Русская земля всегда называлась Русскою же, не смотря на множество иноземныхъ прозвищъ.

— За что жъ такъ напалъ на мнѣнія Морошкина журналъ Погодина?

—Да именно, за то, что теорія Морошкина въ конецъ подрываетъ Байерову систему: будто бы наша земля стала называться Русскою только съ половины IX вѣка, съ призванія Рюрика. Этого Варяго-Русскаго князя почитаютъ Скандинавомъ, а забываютъ важнѣйшее призваніе Байера, что самое имя Варяговъ было неизвѣстно между Скандинавами, и еще важнѣйшее свидѣтельство Шведскаго ученаго Тунмана, что Шведы никогда не называли себя Русью.

—Припомните, господа, какъ въ «Москвитянинѣ» упрекали Ѳ. Л. Морошкина, за смѣлость его словопроизводствъ; защитникъ обвиняемаго приводитъ слѣдующее *Заключеніе* историческаго труда его:

«Основныя положенія моихъ историко-критическихъ изслѣдованій,»—пишетъ г. Морошкинъ, — «всѣ заимствованы изъ дипломатическихъ актовъ и изъ свидѣтельства самыхъ достовѣрныхъ классическихъ писателей. Чѣмъ болѣе изучалъ я

древнія классическія сочиненія, тѣмъ болѣе усиливалась во мнѣ вѣра въ истинность извѣстій, въ нихъ содержащихся; напротивъ, невѣріе современныхъ критиковъ казалось мнѣ слѣдствіемъ *поверхностнаго изученія* древнихъ писателей. Я много разъ перечитывалъ нѣкоторыя мѣста Геродота, Страбона, Тацита, Птоломея и другихъ о Скиѳіи, и полагалъ, что *можно возстановить ихъ географію* въ самомъ полномъ и правильномъ видѣ; казалось мнѣ, что можно *соединить новый Русскій міръ съ міромъ древнимъ, Геродотовскимъ*, непрерывною цѣпію; что есть надежда вырыть изъ земли всѣ народы и всѣ города древняго Скиѳскаго міра, и такимъ образомъ положить начало *новой, полнѣйшей* Исторіи Русскаго народа.

«Всегда основываясь на фактахъ, я дозволялъ себѣ умствовать, какъ и всѣ другіе историческіе критики; употреблялъ филологію, но не для того, чтобъ *искажать* факты, а чтобъ дать имъ *жизнь*, чтобы проникнуть *въ смыслъ древней Географіи и Исторіи*. Надѣюсь, что между моими филологическими объясненіями есть и такія, коихъ не отвергнетъ самый строгій историческій критикъ. Я не слѣдовалъ никому изъ новыхъ критиковъ, разсматривавшихъ Скиѳскій міръ: мнѣнія Байера и Шлёцера мнѣ казались односторонними, слѣдовательно ложными; изслѣдованія Русскихъ критиковъ, исключая весьма немногихъ, мѣлочными. Въ моихъ критическихъ соображеніяхъ все мнѣ принадлежитъ: и истина, и заблужденіе; трудъ мой, смѣю сказать, оригинальный и добросовѣстный: это сокъ изъ большаго и внимательнаго чтенія. Объяснить Геродотову *Гилею* (т. е. Древлянскую и Русскую землю); доказать, что народъ *Аорсы* не иной кто какъ Россы: это одно уже весьма важно! Недавно (въ Ноябрѣ 1840 г. когда и послѣдняя глава моихъ изслѣдованій была уже окончена и отправлена въ Петербургъ), извѣстный намъ астрономъ, г. *Перевощиковъ* показалъ мнѣ въ запискахъ Берлинской Академіи статью *о происхожденіи названій странъ, рѣкъ, городовъ и фамилій*, сочиненіе *Аббата Денины* (Mémoire de l'Académie Royale des sciences et des belles Lettres, 1799 и 1800 an. Berlin. 1800). Статья читана въ Академіи, Марта 15 дня 1800 года, и заключаетъ въ себѣ взглядъ, совершенно сходный съ моимъ. Аббатъ старается объяснить имя каждаго народа отъ мѣстности, имъ занимаемой, и въ самыхъ приложеніяхъ сего начала нерѣдко сходится со мною: такъ напримѣръ: много представлено имъ народныхъ названій отъ *горъ*; много рѣчныхъ названій отъ кореннаго слова *ὕδωρ*, *вода*, со всѣми его измѣненіями; и Берлинскаго академика ни кто не упрекалъ за смѣлость его предположеній... Что касается до меня, то я желалъ пріобрѣсти собственное убѣжденіе въ истинахъ и существѣ Россіи, о стихіяхъ, изъ коихъ составлено Россійское Государство; въ истинахъ, которыя необходимы для юриста, столько же какъ и для политика, стратега и литератора.»

Выписавъ такое оправданіе г-на Морошкина, его защитникъ продолжаетъ: (*)

«И этотъ добросовѣстный трудъ, — разумѣется не изъятый отъ недостатковъ, какъ все человѣческое, — не стыдятся унижать, умалчивая о достоинствахъ, придираясь къопечаткамъ (**) или неточнымъ выраженіямъ.

«Въ заключеніе, обращусь къ вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ: будьте безпристрастны, сознайтесь, что принимая въ соображеніе массу учености, показанной г-мъ Морошкинымъ въ его «Изслѣдованіяхъ о Руссахъ и Славянахъ,» эта книга на столько же выше извѣстнаго разсужденія «о происхожденіи Руси,» изданнаго въ Москвѣ (1825), на сколько Шлёцеровъ «Несторъ» выше извѣстныхъ вамъ афоризмовъ о Несторѣ, опровергнутыхъ съ логической стороны покойнымъ Скромненкою. Вспомните собственныя слова свои, сказанныя вами въ 1829-мъ году, при защитѣ Венелина отъ нападеній Н. А. Полеваго: «смѣяться очень легко надъ *новымъ* историческимъ мнѣніемъ, особенно безъ доказательствъ, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь.» Припомните, Михаилъ Петровичъ, эту 167 страницу вашего Московскаго Вѣстника: она весьма поучительна!»

—Рѣзко, но справедливо, замѣтили многіе.

—Надобно бы съ большою пощадою отозваться о Михаилѣ Петровичѣ.

—А развѣ онъ щадилъ Морошкина, увѣряя читателей «Москвитянина,» будто бы авторъ изслѣдованія «о значеніи имени Руссовъ,» зашелъ въ лѣсъ и обошелъ читателей, какъ лѣшій?

—Но это было увлеченіе.....

—Такъ если позволить одному, по увлеченію, унижать другаго, то гдѣ же справедливость? Позволяете нападать, позвольте и защищаться: Михаилъ Петровичъ профессоръ, и Ѳедоръ Лукичъ тоже—въ этомъ случаѣ они равны. Морошкинъ издалъ въ 1842 году книгу, касающуюся до Русскихъ Древностей; а Погодинъ писалъ о происхожденіи Руси въ 1825 году: чтожъ изъ этого слѣдуетъ? а то, что если ихъ взгляды діаметрально противоположны, то на Погодинѣ лежитъ обязанность разобрать сочиненіе Морошкина ученымъ образомъ, а не

(*) Критическое Обозрѣніе книги Морошкина, стр. 81.

(**) Въ концѣ книги приложено указаніе опечатокъ, но не совсѣмъ полное; на стр. 162 я замѣтилъ очень важную опечатку: «мнѣніе о службѣ нашихъ *Римскихъ* дружинъ при дворѣ Персидскомъ», а по смыслу всей рѣчи явно, что тутъ говорится о *Русскихъ* дружинахъ.

потѣшаться надъ добросовѣстнымъ трудомъ безкорыстнаго труженика.

Пока продолжались эти пренія, хозяинъ принесъ Ноябрьскую книжку «Маяка» за 1842 годъ (Т. VI), развернулъ главу III стр. 1—4, и просилъ вниманія.

—Прошу, господа, выслушать и самаго Морошкина. Вотъ его, такъ названный имъ, *Первый и послѣдній отвѣтъ на всѣ бездоказательныя рецензіи:*

«Давно замѣчено, что Русская журнальная критика, во всѣхъ родахъ сочиненій, отыскиваетъ болѣе *смѣшную* сторону, чѣмъ *настоящія достоинства* сочиненій. Ученыя сочиненія, написанныя изъ усердія къ истинѣ, не боятся журнальныхъ насмѣшекъ; но тѣмъ не менѣе страдаютъ отъ равнодушія публики, возбуждаемаго журналистами къ трудамъ важнымъ, требующимъ даже нѣкотораго самоотверженія въ сочинителѣ. Я не знаю, *куда* поведетъ насъ критика, *для* которой всякій благонамѣренный ученый трудъ представляется *смѣшнымъ*, всякое усиліе *забавнымъ*. На примѣръ: что должно подумать о рецензентѣ, который объ изданномъ мною на Русскомъ языкѣ превосходномъ сочиненіи Рейца, «Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ», въ одномъ журналѣ сказалъ: «я посовѣтовалъ бы г-ну издателю заняться чѣмъ нибудь болѣе полезнымъ.» Истинно дружескій совѣтъ!—За нимъ другой журналъ, издававшійся подъ редакціей Н А. Полеваго, поднялъ на смѣхъ мою, отдѣльно напечатанную (1840), статью «о значеніи имени Руссовъ и Славянъ» за то только, что имя нашего любезнаго отечества я произвелъ отъ *лѣса*, *палки*, *розги*. Что тутъ смѣшнаго, по-чести, не могу понять! И потомъ, этотъ же самый журналъ, изъ цитованныхъ мною писателей: Геродота, Страбона, Птоломея и многихъ другихъ, сдѣлалъ пресмѣшной поѣздъ педантовъ древности. Вотъ наконецъ, еще одинъ журналъ «Москвитянинъ,» носящій самое народное имя, выставилъ меня и еще одного почтеннаго ученаго (Н. И. Надеждина), на самомъ большомъ перекресткѣ историческихъ мнѣній, для того, чтобы мы, помахивая воскриліями нашихъ докторскихъ мантій, отгоняли неопытную молодежь отъ Сциллы и Харибды, сокрушившихъ наше историческое плаваніе. Говорятъ, отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, но я думаю бываетъ и на оборотъ; по крайней мѣрѣ разъ по Всемірной Исторіи совершилось это торжественнѣйшимъ образомъ! М. П. Погодинъ назвалъ меня *суевѣромъ* въ Русской исторической критикѣ; но за то другой критикъ, П. Г. Бутковъ, провозгласилъ меня *скептикомъ*; и я вдругъ сталъ «невѣрующимъ суевѣромъ» исторической критики!

Наконецъ «Литературная Газета» до того простерла на меня гоненіе, что брошюра моя «о значеніи имени Руссовъ и Сла-